

БЕСЕДУ ВЕДЕТ
*кандидат
филологических
наук*

*Леонид
Владимирович*
САХАРНЫЙ

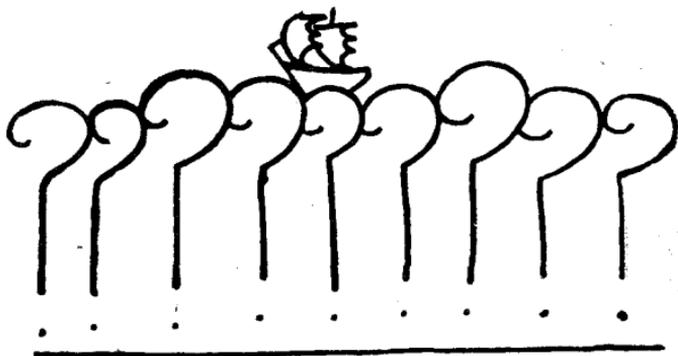
**УДИВИТЕЛЬНЫЙ,
НАДЕЖНЫЙ,
КОВАРНЫЙ**

РУССКИЙ ЯЗЫК

1968

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Для начала — несколько вопросов

Физикам — хорошо! Они все глубже проникают в тайны мироздания, открывая новые, неизвестные ранее частицы. Химики создают тысячи новых соединений. Астрономы обнаруживают новые звезды, геологи — новые месторождения нефти и металлов, археологи — памятники старины. В каждой науке — находки, открытия, новое, новое...

А что остается делать лингвистам? Возьмем, к примеру, современный русский язык. Все мы свободно говорим на этом языке. Всем нам он хорошо известен. Какие уж тут исследования? Какие открытия? Ведь любой восьмиклассник знает, что в русском языке у существительных — три рода, два числа, шесть падежей. Что у глагола — три времени, два вида и три склонения. Что предложения бывают личные, неопределенно-личные и безличные... Все очень просто! И все давно известно. А что же это за наука, в которой все просто и все известно?

5

Все ли?

Вот об этом — наша книжка. Конечно, в ней не расскажешь обо всем. Но я постараюсь показать: многое из кажущегося нам абсолютно ясным на самом деле ясно

лишь потому, что мы пользуемся нашим языком не задумываясь.

Свой фильм о природе, о людях, обо всем, что нас окружает, об умении удивляться народный артист СССР Сергей Образцов назвал «Удивительное рядом». Как нельзя более точно эта характеристика подходит к языку.

Остановитесь, задумайтесь! Главное в науке — найти ответ на вопрос «почему». Язык, удивительнейшее создание человека, стбит того, чтобы мы о нем думали, чтобы чаще были «почемучками» в языкознании.

Итак, начнем.

Несколько вопросов:

— Почему некоторые говорят: *польша*, в *пальте*?

— Почему *потолок* — мужского рода, *стена* — женского, а *окно* — среднего?

— Почему в предложении «Вот я сейчас, сию секунду, положил книгу на стол» действие — в прошедшем времени, в предложении «Вот я сейчас, сию секунду, кладу книгу на стол» действие — в настоящем времени, а в предложении «Вот я сейчас, сию секунду, положу книгу на стол» действие — в будущем времени? Что изменилось в содержании? Что такое время глагола?

— Почему в Перми говорят по-русски не так, как в Москве?

— Почему мы понимаем, что стул — это не табуретка?

— Почему...

Впрочем, наверное, пока довольно.

И еще один простой вопрос:

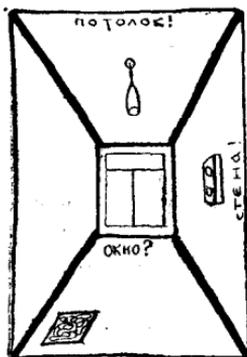
— Что такое язык?

Обычно отвечают:

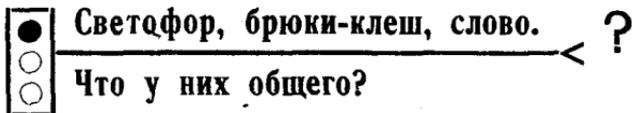
— Орудие мышления и средство общения.

Но ведь это — определение языка по функциям. А как оно «выглядит», это орудие, это средство? Что оно собой представляет?

Вопрос тоже, оказывается, не так прост.

На него давались разные ответы — и правдоподобные, и совершенно фантастические, и фантастические только на первый взгляд.

Одна из наиболее популярных сейчас теорий (правда, некоторые ученые с нею не согласны) — это теория, определяющая язык как систему знаков. Из всех существующих она, кажется, наилучшим образом объясняет «устройство» языка.

Элементы языка — это знаки; знаки существуют в системе — вот основные положения этой теории.

Что же такое знак?

Знак — это нечто, указывающее своим присутствием на какое-либо другое нечто и лишь поэтому существующее как знак. Приведем несколько примеров.

В лесу валяются ветки — березовые, сосновые, осиновые. Длинные и короткие. Сухие и свежие. Вы с товарищами договорились о том, что первая группа пройдет по дороге вперед, выберет поляну и подготовит место для привала. А чтобы вторая группа не «проскочила» мимо, у поворота на обочине будет выложен знак-указатель.

Ветка становится знаком. И если до сих пор она могла интересовать нас сама по себе — по породе, размеру, «степени свежести», — то теперь все это становится для нас безразличным: ветка превратилась в «знак», и поэтому важна она не сама по себе, а лишь постольку, поскольку указывает поворот. То есть форма эта воспринимается нами сейчас не ради самой формы, а как носитель определенного содержания.

При этом, правда, ветка должна быть, с одной стороны, достаточно велика, чтобы ее можно было заметить, с другой стороны — не очень громоздка. Иными словами, есть определенные характеристики самого знака; хотя

мы не обращаем на них внимания, они совершенно необходимы, чтобы предмет мог служить знаком.

Второй пример. Вы идете по улице. Вы хотите пить. И вдруг на витрине — лукавая мордашка зайца, пьющего томатный сок. Что это — художественное произведение, имеющее самостоятельную ценность? Да, конечно, чем эта картина сделана интереснее, остроумнее, тем скорее вы обратите на нее внимание и зайдете в магазин. Но эстетическая ценность этой картины — не самостоятельная, не главная задача ее, а подсобная. Главная же задача этой картины — все та же: быть знаком.

Знаки окружают нас повсюду: птичка на полях вашей тетради, отмечающая ошибку, и птичка на погонах летчика; дорожный знак, запрещающий езду со скоростью свыше двадцати километров в час, и красная повязка на рукаве дежурного... Даже спорно-популярные нынче клешши и мини-юбки (как, впрочем, и длинные пиджаки с ватными плечами и платья ниже колен) — тоже знаки: знаки, выражающие довольно сложные отношения к вкусам, к моде, в известной степени — к мнению окружающих, к самому себе.

Говорим мы и о «знаках внимания». Если вы, сидя в трамвае у окна, вдруг с усердием начинаете разглядывать пробегающие мимо дома и деревья, то это знак того, что у вашего сиденья появилась старушка, которую вы упорно не хотите замечать... А подарок в день рождения совсем не обязательно должен быть дорогим («не дорог подарок, а дорога честь»), потому что это тоже прежде всего знак — знак внимания и уважения.

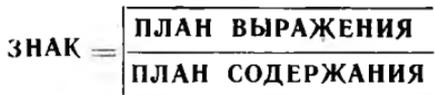
Во всех наших примерах знаки — это предметы, действия, поступки, которые интересуют нас прежде всего потому, что обозначают, напоминают, показывают, убеждают нас в чем-то, что с этими знаками связано. Они являются как бы представителями этого «чего-то».

Форма знака называется планом выражения (или означаемым), а то, что связывается у нас с этой формой, — планом содержания (или означаемым).

Вернемся к языку.

Слово *дом* — комплекс трех букв (или звуков). Эти звуки или буквы вызывают у нас представление о каком-то строении с крышей, с окнами, дверями (все говорящие по-русски представляют его приблизительно одинаково, с некоторыми вариациями, в зависимости от обстановки, фантазии, уровня знаний, памяти и т. п.).

Звуки и буквы — это план выражения, означающее языкового знака. Содержание, смысл, который мы вкладываем в них, который связан с этими звуками или буквами, — это план содержания, означаемое. То есть языковой знак обладает такую же структурой, как и любой другой знак, хотя, конечно, имеет много своих особенностей. Вот какая у него структура:

Важно иметь в виду, что только обе стороны языкового знака (как и любого знака вообще) дают ему право быть знаком. В самом деле, попробуйте передать идею «дома» без звуковой, буквенной или какой-нибудь другой (например, азбуки Морзе, условной цифровой) формы. Ничего не получится! С планом выражения, на первый взгляд, легче. Какое-нибудь *трапата* вполне возможно. Но все дело в том, что это *трапата* не будет знаком до тех пор, пока с ним не связано какое-нибудь содержание, то есть пока не получится опять-таки единства означающего и означаемого.

Разумеется, все богатство и сложность языка не сводится только к знакам. Но знаковость — основное, определяющее свойство языка, с которым, в конечном счете, связаны все остальные. И все в языке обязательно оформляется в соответствии с требованиями законов знака. Эти законы изучает специальная наука о знаках — семиология, или семиотика.

Сказанного достаточно, чтобы получить о знаке самое общее представление.

А что, если у стула отломать спинку...

А вот теперь поговорим о наиболее существенной закономерности языка, которая непосредственно связана с его знаковой природой, — о системности. Системность языка — это внутренне организованная совокупность его элементов, связанных определенными отношениями. Начнем опять-таки с примера.

Что означает слово *стул*?

Обычный ответ: «Стул — это то, на чем сидят». Иногда — более «научный»: «Стул — это приспособление, предмет, предназначенный для сидения на нем». При этом прибавляют что-нибудь о четырех ножках или спинке, но редко и между прочим.

Почему объясняют это слово именно так? Потому, что служить приспособлением для сидения — главное назначение стула: это то, что отличает его от кровати, стола (сидеть на них можно, но в обществе не принято, во всяком случае они предназначены не для этого), от шкафа (попробуй взобраться на него!), от телевизора (теперь даже трехлетние дети понимают, что на него садиться нельзя!). И уж, конечно, это отличает стул от ботинка, дома, забора, реки, камня (он не предназначен специально для сидения), города, неба, графика...

Поэтому такое объяснение слова *стул* достаточно, чтобы выделить этот предмет в ряду других, не предназначенных для сидения.

Но ведь в языке есть еще слова, обозначающие предметы, которые также предназначены для сидения, но стульями не являются. И здесь наше определение оказывается необходимым, как говорят математики, но недостаточным и потому неточным.

В самом деле, ведь и табуретка — тоже предмет того же рода. И для того, чтобы отличить стул от

табуретки, к объяснению *стула*, которое мы уже дали, необходимо прибавить элемент значения (или, как говорят языковеды, семантический множитель) «имеющий спинку». Но тут мы вспоминаем о кресле. И к значению слова *стул* автоматически добавляется новый семантический множитель «не имеющий подлокотников». Да, но на очереди скамья. А чем от нее отличается стул? Тем, что он рассчитан на одного человека. Вот вам еще один семантический множитель. Ну, вот теперь, кажется, всё. Выяснили с помощью значения слова *стул*, чем же отличается стул не только от того, что для сидения не предназначено, но и от своих «собратьев» по классу предметов, специально приспособленных для сидения.

Итак, стул — это специальное (а не случайное, как бревно или стол) приспособление для сидения (а не для других действий или состояний, как кровать, дом), имеющее спинку (в отличие от табуретки, пуфика), не имеющее подлокотников (в отличие от кресла), рассчитанное на одного человека (в отличие от скамейки, дивана).

Почему же сразу мы не смогли перечислить все эти признаки? Ведь практически мы владеем системой русского языка: почему же не заметили всего этого сразу? Не опровергает ли такой пример то, что мы говорили о системности языка?

Нет, несколько. Причина того, что мы не сразу вспомнили все о стуле, — в нашей психологии. Различия, о которых мы говорили, — довольно тонки и практически в жизни не так уж часто нам нужны. Вот почему, отвечая на вопрос «Что такое стул?», мы характеризуем предмет по его важнейшему признаку. Однако при более тонком вопросе «Чем стул отличается от табуретки?» этот важный признак мы уже не учитываем: он ведь не объясняет такого различия, а значит, и перестает быть важным в данной ситуации. И мы свободно объясняем, что у табуретки нет спинки.

И только при совсем строгом вопросе: «Дайте полное толкование значения слова *стул*» — придется проде-

львать операцию последовательного сопоставления, перебирая в памяти все возможные варианты. Впрочем, может быть, мы и теперь еще что-нибудь упустили из виду? Подумайте, может быть, еще от чего-либо чем-либо отличается стул.

Мы учитываем важность того или иного значения (семантического множителя) по-разному, в зависимости от конкретной ситуации.

Вы говорите:

— Дайте мне, пожалуйста, стул. Я устал стоять.

Вам могут подать табуретку. Вы поблагодарите и сядете, возможно, даже и внимания не обратите, на что именно сели. Так как слово *стул* в вашей просьбе — просто случайно подвернувшееся «под руку» подходящее слово! Для вас главным было попросить «предмет для сидения». А вот другая фраза (возможно, в той же самой ситуации!):

— Дайте мне, пожалуйста, стул, а то у меня спина устала.

Вот тут на первый план выступает (как говорят языковеды, актуализируется) новый семантический множитель — «имеющий спинку». Вместо стула хозяин может предложить вам кресло, но вряд ли — табуретку.

Таким образом, потенциально в системе языка есть все признаки, о которых шла речь, но практически мы каждый раз имеем в виду только какую-то часть этих признаков (какую именно — зависит от конкретной обстановки), и редко весь набор семантических множителей исчерпывается нами до конца каждый раз.

Итак, мы выяснили, что значение слова *стул* в русском языке складывается из семантических множителей, с помощью которых стул можно отличить от других предметов.

А как быть с четырьмя ножками? С тем, что на спинке могут быть дополнительные перекладины? С тем, что сиденье может быть мягким? С тем, что обычно стул бывает из дерева? И с многими-многими другими признаками, которые мы можем перечислить, говоря о стуле?

Да нужно ли все это для определения значения нашего слова?

Нет! Все это несущественно. И дело не в том, что стул может быть на четырех ножках, а может быть и на трех, и даже, в принципе, на одной или двух. Даже если бы он был обязательно на четырех ножках, все равно подобный признак не будет семантическим множителем, важным для системы, различительным, до тех пор пока в зависимости от этого признака не появится отличие в значениях хотя бы двух слов. Скажем, деревянные стулья останутся *стульями*, а современные, из металла и пластика, станут называться как-нибудь иначе, например *сиделки* (это, в принципе, вполне возможно, но вряд ли годится, потому что нам в общем-то совсем ни к чему различать стулья по материалу, из которого они сделаны). Вот тогда признак «сделанный из дерева» станет важным семантическим множителем, отличающим наш добрый старый *стул* от такой *сиделки*.

Выделение признака предмета как семантического множителя, определяющего значение слова, зависит не столько от этого предмета, сколько от тех, которые противопоставлены ему системой языка. Вот посмотрите.

Допустим, что скамью или диван начнут делать и меньших размеров, в расчете на одного человека. Тогда у слова *стул* автоматически меняется значение: исчезает различительный признак «рассчитанный на одного человека». И если языку все же нужно будет отличать *стул* от *скамьи*, то для этого должен будет появиться какой-то новый признак (скажем, «помещающийся в комнате» и «помещающийся на улице», или что-нибудь в таком роде).

Вот, оказывается, какая своеобразная вещь — системность языка. Закон, отражающий эту системность, может быть сформулирован примерно так: элемент языка существует лишь постольку, поскольку он противопоставляется другим элементам языка. Иначе он существовать

не может. Системность — не «довесок» к свойствам элементов языка, а главное и неизменнейшее условие самого существования этих элементов.

Необходимо добавить, что в окружающем нас мире предметы существуют независимо от языка. Поэтому все наши рассуждения относились не к вещам, а к языку, который как раз и существует для того, чтобы различать эти вещи.

И вот здесь мы сталкиваемся с другим важным свойством системности элементов языка: системность обеспечивает не только различие, противопоставление предметов, но и их объединение, отождествление.

Отличив стул от дивана, кресла, табуретки, язык помогает нам тем самым объединить в один класс все стулья, независимо от их индивидуальных особенностей.

Сумма семантических множителей не только отделяет от класса *стул* все, что не имеет этой суммы (независимо от деталей), но и объединяет в этот класс все, что имеет такую сумму (опять-таки независимо от деталей). Поэтому мы всегда найдем название любому, даже неизвестному раньше предмету: ведь сумма признаков, присущих этому предмету, делает его похожим на что-то нам известное.

Правда, далеко не всегда это бывает сумма всех признаков. Иногда мы объединяем предметы одним словом лишь по некоторым признакам или даже одному характерному — в зависимости от обстоятельств. Причем, если такие обстоятельства часто повторяются, то новое значение может в языке закрепиться.

Слово *петух* обозначает самца кур, домашней птицы определенного вида. Петухи, сказали бы вы, умеют кричать «кукареку», часто дерутся. И вдруг в этот класс птиц попадает человек, которого мы тоже иногда называем *петухом*. При этом мы прекрасно понимаем, что человек-петух — не птица, что он не имеет перьев, пышного хвоста и гребешка с бородкой. Впрочем, бородка может быть, но не такого качества, «хвост» тоже может

быть, если человек — студент, и студент не очень старательный. И гребешок, и перо могут у него быть, но и это опять-таки — не те гребешок и перо. Да! Таков уж язык: на каждом шагу — удивительные совпадения, образы, причудливые переплетения значений! Однако вернемся к нашему человеку-петуху. Назвали его так не за то, что он умеет кричать «кукареку» (хотя и это он может уметь делать, и за это могут его сравнить с петухом). Главное, почему люди, говорящие по-русски, называют человека петухом — это его поведение, задирность, которой он напоминает петуха.

Итак, лишь один признак — общий (если не считать, что оба петуха — живые существа), но зато какой яркий, какой характерный!

Такое новое значение известного слова называется переносным. Но, появившись, оно начинает жить в языке довольно самостоятельно и вступает в свои особые системные отношения с другими словами: тот же петух может быть *забияка*, *задира*, *драчун* — у всех этих слов есть общее, но есть и особенные оттенки значения. Кстати, попробуйте, найдите их.

С переносным значением слова вы очень часто встречаетесь в художественной литературе.

Вспомните, у Г. Р. Державина:

«Я царь, я раб, я червь, я бог»;

у М. Ю. Лермонтова:

«Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?»;

у А. М. Горького:

«Море — смеялось».

Десятки подобных примеров вы можете подобрать сами. Мы не будем здесь детально разбирать все типы переносных значений слов. Скажем только, что типов таких очень много и что они очень разнообразны по характеру переноса.

Перенос значения встречается и в нашей обычной речи. И гораздо чаще, чем принято думать. Мы делаем его сознательно, а часто и бессознательно.

Вот как описал это явление выдающийся лингвист А. А. Потебня, живший в прошлом веке: «Я указываю начинающему говорить ребенку на круглый матовый колпак лампы и спрашиваю, что это такое. Ребенок много раз видел эту вещь, но не обращал на нее внимания. Он ее не знает, так как сами по себе следы впечатлений не составляют знания. Я хочу не столько того, чтобы он дополнил свои впечатления новыми, сколько того, чтобы он объединил прежние и привел их в связь со своим запасом сознанных и приведенных в порядок впечатлений. На мой вопрос он отвечает: «Арбузик». Тут произошло познание посредством наименования, сравнение познаваемого с прежде познанным. Смысл ответа таков: то, что я вижу, сходно с арбузом.

Назвавши белый стеклянный шар арбузом, ребенок не думал приписывать этому шару зеленого цвета коры, красной серединки с таким-то узором, жилком, сладкого вкуса; между тем под арбузом в смысле плода он разумел и эти признаки. Из значения прежнего слова в новое вошел только один признак, именно шаровидность».

Остается только еще раз подчеркнуть, что перенос значения тоже никак не опровергает, а, наоборот, подтверждает общее положение системности, так как каждое новое значение слова возникает и осмысливается как нечто сподобствующее различию (и одновременно — отождествлению) предметов, явлений окружающего нас мира.

Сколько я в *мы*?

Мы познакомились с тем, как проявляется система в словах, в лексике. А есть ли такая система в грамматике?

И вообще — что такое грамматика?

Точно ли мы себе представляем все грамматические категории?

О грамматике и ее удивительных свойствах можно говорить без конца. Эта книжка слишком мала для такого подробного рассказа. Поэтому мы познакомимся лишь с несколькими явлениями и на их примере рассмотрим некоторые закономерности системы в грамматике.

Вы знаете: имена существительные второго склонения мужского рода не имеют окончания. Правда, языковеды предпочитают говорить в таких случаях, что эти имена существительные имеют нулевое окончание. Что это, просто желание сказать «понаучнее»? И никакой разницы по существу здесь нет? Оказывается, разница есть. Вспомните, что мы уже говорили о системе.

Почему форма *дому* — форма дательного падежа единственного числа, форма *домом* — творительного падежа единственного числа, а форма *доми* — тоже творительного падежа, но уже множественного числа?

Наивный вопрос, скажете вы: потому что *-у* — это окончание дательного падежа единственного числа (добавим: и этим *-у* форма *дому* отличается от всех остальных); *-ом* — окончание творительного падежа единственного числа (добавим: и этим *-ом* форма *домом* отличается от всех остальных форм слова). И так далее. Все просто, ясно и логично.

И в этом стройном ряду окончаний только формы именительного и винительного падежей единственного числа вдруг остались без окончаний.

Кстати, а почему форма *дом* — это непременно именительный или винительный падеж? Да потому, что у нее нет окончания (добавим: и этим отсутствием окончания *дом* отличается от всех остальных форм слова. Попутно отметим, что именительный и винительный падежи отличаются друг от друга только по роли слов в предложении: существительное в именительном падеже — всегда подлежащее или сказуемое, а существительное в винительном — всегда дополнение).

А разве отсутствие окончания не есть функционально то же самое, что *-у, -ом, -ами* и так далее?.. Да, так оно и есть. И здесь — все та же системность!

Значит, действительно понятие нулевого окончания — более точное понятие: оно помогает осознать именительный и винительный падежи в том же ряду, что и все остальные.

Теперь вряд ли вы будете возражать против определения, данного в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой: «Нулевой — выполняющий определенную лингвистическую (семиологическую) функцию без специального (звукового) выражения, а лишь через противопоставления выраженным (положительным) элементам того же ряда».

По этому поводу замечательный русский лингвист А. М. Пешковский писал: «Представим себе, что кто-нибудь видел большую толпу людей и описывает разные головные уборы этой толпы. Если в этой толпе у заметного числа людей не было ничего на голове, то он, перечисливши все сорта шляп, картузов, чепцов и так далее, обязательно прибавит, что «были и простоволосые», так что люди без всякого головного убора составят в его рассказе особую группу на равных правах с другими группами».

Автоматизм в использовании нами грамматических средств языка удивителен. Вспомните известную игру:

- Сколько концов у одной палки?
- Два.
- У двух палок?
- Четыре.
- У трех палок?
- Шесть.
- У четырех палок?
- Восемь.
- У пяти палок?
- Десять.
- У пяти с половиной палок?

Обычно сразу отвечают:

— ...Одиннадцать.

Вот она, сила автоматизма нашего мышления, когда мы, думая, отрываемся от реальных вещей, забываем их.

А вот такая же игра в языке:

— Что означает форма *домá*?

— Много домов, то есть два и больше.

— Что означает форма *столы*?

— Много столов.

— *Окна*?

— Много окон.

— *Спектакли*?

— Много спектаклей.

— Форма *мы*?

— Много я!

А как это? «Я»-то ведь каждый из нас один! Единственный! Неповторимый!

Конечно же, выражение «мы — это много я» — бессмыслица. Но тогда почему же возможна форма «мы»?

В том-то и дело, что для грамматики безразлична индивидуальность каждого «я». Для нее важно, что «я» — это говорящий. А если говорящий выступает от имени многих, то тем самым он где-то стирает различие между собой и этими другими.

Уточнить значение «мы» можно приблизительно так: «Я и другие, действующие вместе со мной и потому в этот момент, в этом смысле — такие же, как я».

Так что явная, казалось бы, бессмыслица получает определенный грамматический смысл. И помогла нам системность грамматики.

Сколько времени

в

настоящем времени?

19

Впрочем, грамматика — это не только автоматические образования новых форм по аналогии с уже знакомыми. Грамматика — это сложные философские идеи, обобще-

ния. Эти идеи (грамматические значения, как их принято называть) складываются веками. Они отражают общенародный опыт сотен поколений и помогают каждому новому поколению, вступающему в жизнь, ориентироваться в окружающем мире, узнавать его закономерности, постигать взаимные связи предметов, явлений.

Грамматические явления, или, как их называют, грамматические категории, — это тоже знаки, только знаки очень сложные, совсем отвлеченные, абстрактные. Если знаки-слова обозначают, классифицируют предметы и явления внешнего мира, то знаки-грамматические категории классифицируют слова и формы слов. Это знаки знаков.

О плане содержания знака-грамматической категории мы уже говорили: это грамматическое значение. План выражения — грамматическая форма. Грамматическое значение и грамматическая форма существуют в сложном и неразрывном единстве.

Сложность и богатство грамматических идей, скрытых опять-таки в самых, казалось бы, ясных и простых грамматических категориях, мы попытаемся показать на примере категории времени и вида глаголов в современном русском языке.

Сначала — о времени.

Итак, что такое время глагола?

Элементарный вопрос! Время бывает настоящее, прошедшее и будущее.

Настоящее время описывает... А в самом деле, что описывает настоящее время? То, что действие совершается в настоящем времени? Получается довольно забавное определение. Правда, его можно уточнить: настоящее время обозначает действие, происходящее в момент речи (*стучу*). Соответственно, прошедшее время обозначает действие, происходящее до момента речи (*стучал*) будущее — после момента речи (*постучу* или *буду; стучать*).

Итак, мы, кажется, нащупали различительный признак, от которого зависит построение системы времени

русского глагола. Этот признак — отношение действия к моменту речи.

Но тогда что же это такое, момент речи? Что он обозначает?

Каковы его границы? Почему возможно употребление одних времен вместо других? Попробуем разобраться в этих вещах.

И здесь — новая неожиданность: для выяснения того, что такое момент речи, удобнее всего обратиться к... математике.

Да, математика проникает и в языкознание. И не только для статистических подсчетов или машинного перевода. Математические идеи можно применять и для объяснения языковых явлений, закономерностей, процессов. Разумеется, можно, как и во всякой другой науке, попытаться объяснить все без помощи специального языка математики, но уж слишком это будет громоздко, не наглядно и — главное — не так точно. Своеобразный парадокс: слов живого языка оказывается недостаточно, чтобы объяснить явления этого живого языка.

Итак, начнем. Проведем числовую ось. Условимся, что это — схематичное изображение объективного времени. Естественно, что один конец оси будет уходить в бесконечное прошлое (обозначим его $-\infty$), другой — в бесконечное будущее (обозначим его $+\infty$).

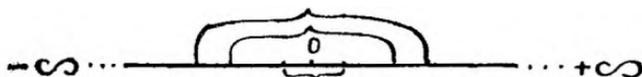
Отметим на оси какую-то точку 0 , от которой пове-

— $\infty \dots \frac{a \quad 0 \quad b}{\dots} \dots + \infty$

Точка a обозначит ту границу, справа от которой в данной конкретной фразе начинается момент речи, слева же от нее действие происходит до момента речи. Точка b обозначает ту границу, слева от которой начинается момент речи, справа же от нее действие происходит после момента речи.

Рассмотрим теперь разность $b-a$. Может ли она быть равной 0 (то есть $b-a=0$)? Иными словами, могут ли точки a , b , 0 совместиться на числовой оси в одной точке 0?

Математически — да. Физически же момент речи всегда имеет какую-то длительность, хотя и ничтожную. В таких случаях математики используют теорию пределов.

$a_1 \quad a_2 \quad a_3 \quad b_3 \quad b_2 \quad b_1$

Если мы на нашей числовой оси будем располагать точки $a_1, a_2, a_3, \dots, a_n$ (а также $b_1, b_2, b_3, \dots, b_n$), каждая из которых будет ближе к 0, чем предыдущая, то разность $b_n - a_n$ в данном случае может стать как угодно малой. Пользуясь математической символикой, можно записать это следующим образом:

$$\lim_{n \rightarrow \infty} x_n = 0,$$

где x_n , равное $b_n - a_n$, — момент речи в n -ной фразе.

Точность выражения $b-a$ для самого глагола безразлична. В конкретном же высказывании она зависит от характера этого высказывания. «Материя существует вечно» — в этой фразе, например, количественно момент речи безразличен. Важно лишь то, что он обязательно включается в значение глагола.

А вот фразы другого типа:

«Я живу здесь уже десять лет».

«Я эту книгу читаю уже целый месяц».

«Я эту книгу читаю только два часа».
 «Я эту книгу читаю только десять минут».
 «Я эту книгу читаю всего лишь минуту».
 «Я эту книгу читаю только несколько секунд».

Момент речи тоже включен сюда, и каждый раз выражение $b - a$ определяется для фразы все точнее, а значение его каждый раз не больше времени, указанного во фразе. Но к значению самого глагола это отношения не имеет.

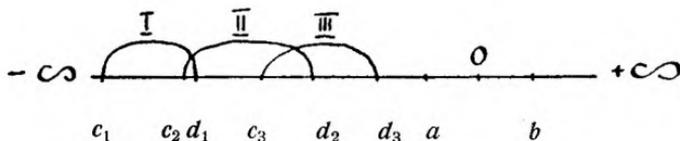
Посмотрим, как обстоит дело с прошедшим временем.

«Я эту книгу читал целый месяц и неделю назад закончил».

«Я эту книгу читал целый месяц и вчера закончил».

«Я эту книгу читал целый месяц и только что, сию минуту, закончил».

Здесь важно прежде всего то, что действие чтения (обозначим его выражением $d - c$) всегда происходило до момента речи, а когда именно — для глагола «все равно».

Чем ближе к моменту речи происходит действие во фразе, тем точнее определяется сам этот момент речи, тем меньше выражение $0 - a$ для данной фразы.

Будущее похоже на прошедшее тем, что действие не включает в себя момента речи. Но происходит это действие, как уже говорилось, не до, а после момента речи. Поэтому рассуждения здесь в принципе такого же характера, только выражение $b - 0$.

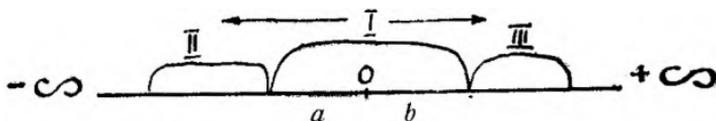
Остается еще раз подчеркнуть, что в глаголе отмечается лишь сам факт совершения действия в момент речи, до или после него. Длительность этого момента речи (мгновенный он или продолжительный), а также точное количественное определение этого момента речи для категории времени безразличны.

Машина времени — в каждом из нас

Сам момент речи — вещь, хотя и объективно существующая, однако же такого рода, что говорящий каждый раз может ею распоряжаться по своему усмотрению.

В выражении «Вот сейчас, сию секунду кладу» — момент речи соотнесен непосредственно с действием при описании данной ситуации; «вот сейчас, сию секунду положил» — здесь момент речи, возможно, в той же самой ситуации, передвигается говорящим и выводится за рамки действия; «вот я сейчас, сию секунду положу» — здесь уже само действие уводится от момента речи. Повторяю, в принципе возможно такое описание одного и того же события!

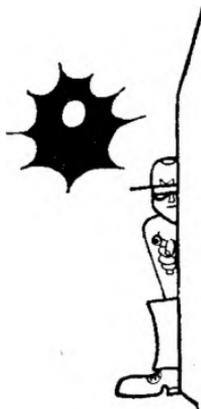
Таким образом, момент речи — своеобразное начало системы координат в объективном течении времени. Сам момент речи объективен, а его использование — субъективно, зависит от воли говорящего.

Вот теперь становится понятным и такое явление, как употребление одного времени вместо другого. Мы резко передвигаем момент речи в прошлое, ведя отсчет от него по этой новой системе координат — и получается настоящее вместо прошедшего.

Сравните пример из школьного учебника: «Возвращаюсь я вчера вечером с вокзала домой, иду темной улицей, тороплюсь. Вдруг вижу: у ближайшего фонаря что-то темнеет».

В принципе этот пример кажется такого же свойства, как «кладу сию секунду» вместо «положил сию секунду», только произвол говорящего не столь очевиден.

Интересно, что, хотя перенос момента речи вообще-то возможен не только в прошедшее, но и в будущее время,

обычно он употребляется лишь при описании действия в прошлом. Да это и понятно: прошлое уже *было*, мы восстанавливаем все детали события, вспоминаем его. Зато как *будет* проходить действие — не знаем, можем только предполагать.

Итак, грамматическое значение времени явно связано с объективным действием, но не непосредственно, а как бы косвенно. И поэтому может использоваться каждый раз вновь в зависимости от конкретной ситуации. Да это и удобнее. Важен в этом случае всегда относительный отсчет, так как для абсолютного отсчета нет, да и не может быть, постоянной точки начала координат.

Любопытно, что категория времени в таком виде существует только в изъявительном наклонении. В других наклонениях русского глагола система времени — иная. И это также объясняется их значением. Глагол повелительного наклонения может стоять только в форме будущего времени (и это понятно: ведь просьбу, совет или приказание можно выполнить только после того, как их выскажут). Глагол сослагательного наклонения стоит в форме прошедшего времени: ведь такой глагол показывает действие, которое является условием для совершения другого действия. То, что говорится, — уже своеобразный итог («Если бы ты купил билеты, мы бы пошли в кино»). Кстати, такое условное прошедшее время частенько употребляется в будущем, но уже как пожелание, то есть по значению смыкается с повелительным наклонением. Сравните-ка: «Если бы ты купил завтра билеты, мы бы пошли в кино». Здесь своеобразное сочетание прошедшего и будущего времен — из-за своеобразного сочетания формы сослагательного наклонения и значения повелительного наклонения (могло ведь быть: «Купи завтра билеты, и мы тогда пойдем в кино»).

Как видите, категория времени, во-первых, объективна, так как отражает закономерности окружающего нас мира; во-вторых, достаточно универсальна, так как

любое действие может быть (и, с другой стороны, обязательно должно быть) привязано нами к определенному времени: для этого нужно лишь определить его отношение к моменту речи; в-третьих, достаточно гибка, так как сам момент речи каждый раз заново может определяться нами в зависимости от конкретных обстоятельств и цели сообщения.

Так на примере категории времени мы убеждаемся в удивительной емкости сочетания объективного и субъективного в языке, что и делает язык могучим орудием общения, средством выражения тончайших оттенков мысли.

Разговор о времени русского глагола будет явно неполным, если не коснуться категории вида.

Глаголы несовершенного вида показывают незаконченное действие или действие повторяющееся. Глаголы совершенного вида показывают законченное действие.

В основу видовых различий русского глагола положен, как видите, другой различительный признак — признак завершенности действия. Причем в глаголе несовершенного вида не отрицается возможность завершения действия. Она лишь не указывается точно. «Я читал» — действие могло быть и законченным, а могло остаться и незавершенным. Мы не знаем этого. Для каких-то сообщений это и неважно. Сравните: «Я долго читал эту книгу и только вчера закончил». «Я долго читал эту книгу и никак не мог ее закончить». Я указываю на длительность действия — и только. В первом случае за действием *читал* по смыслу скрывается законченность действия, во втором случае — незаконченность его. Но не вид глагола указывает нам на это.

Выходит, что отношения между видами — несколько иного качества, чем отношения между временами. Несовершенный вид — шире по значению. Совершенный вид — уже и точнее: он указывает на то, что действие завершено обязательно.

Интересно соотношение вида и времени. Совершенный вид не может употребляться в форме настоящего

времени: раз мы сообщаем в момент речи о законченности действия, значит, оно либо завершилось уже до момента речи (иначе мы бы не смогли говорить о нем как об уже закончившемся), либо завершится в будущем, то есть после момента речи.

Что же касается настоящего времени, то вспомните наше выражение: $\lim_{n \rightarrow \infty} x_n = 0$. Физический момент речи — не 0, но очень близкая к нулю величина. Действие в настоящем времени включает этот неуловимый момент речи, но не сводится к нему. И поэтому действие, если и протекает в момент речи, не может быть завершено в нем; это завершение будет обязательно или до, или после момента речи, но тогда это, опять-таки, или прошедшее, или будущее время (об этом мы только что говорили) — и опять мы вернулись к началу нашего рассуждения. Совсем как в сказке про белого бычка!

Ясно, что форма настоящего времени совершенного вида оказалась в настоящем времени ненужной и «занадобностью» передана будущему.

Вид \ Время	Время		
	Прошедшее	Настоящее	Будущее
несовершенный	делал	делаю	буду делать
совершенный	сделал	↑ _____→	сделаю

В категории вида есть еще одна любопытная вещь — категория кратности. Глаголы однократные (образованные с помощью суффикса *-ну-*: прыгнул) показывают, что действие случилось один раз, и потому оно завершено (эти глаголы — совершенного вида). Глаголы многократные (образованные с помощью суффиксов *-ыва-*, *-ива-*: запрыгивал) показывают, что действие происходило несколько, много раз. При этом видно, что оно протекало долго, но специально не указано, что оно завершено. Эти глаголы, следовательно, несовершенного вида (еще раз заметьте особенность значения несовер-

шенного вида: завершенность действия не отрицается, а просто специально не указывается).

И если рассматривать все вместе: систему времени, видов, кратности русского глагола, — то станет ясно, насколько богата и выразительна гамма грамматических значений нашего глагола для выражения самых тончайших оттенков характера действия.

Вы видите, что грамматические значения глагола связаны с нашим опытом в освоении закономерностей движения в окружающем нас мире. Но не всегда вот так очевидна эта связь.

В самом деле: *мужчина, мальчик, Петр, профессор, солдат, слесарь, бык, козел* — названия лиц или животных мужского пола, а *женщина, девочка, Люба, учительница, солдатка, медсестра, корова, коза* — названия лиц или животных женского пола. Здесь понятно разделение слов на мужской и женский род. А вот в других случаях категория рода — явно пережиточная, чисто формальная, ничего, по существу, не обозначающая.

Поэтому наш вопрос, почему *потолок* — мужского рода, *стена* — женского, а *окно* — среднего рода, мы должны оставить без ответа: с точки зрения современного языкового мышления на этот вопрос ответа нет. Но даже такая чисто формальная категория — тоже обязательная часть грамматической системы русского языка: каждое существительное может присутствовать в языке обязательно в форме какого-то рода.

В пальте —
это
по-русски?

А вот пример грамматической закономерности несколько иного характера.

▲ Довольно часто каждый из вас слышит: *хожу в пальте, висят пальта*. Поправят человека, —

а он еще и спросит: «Почему же так нельзя говорить?»

Но еще интереснее узнать, почему все-таки можно так сказать (говорят же!). Конечно, «можно» здесь нужно понимать не как разрешение переступать норму литературного языка, а как саму возможность такого переступания. Причем самое любопытное, что ведь мы понимаем, о чем идет речь, хотя нам и несколько не по себе, когда мы услышим где-нибудь в трамвае это *в пальте*. Может быть, и здесь есть какие-нибудь закономерности? Представьте себе, есть!

В русском языке все имена существительные изменяются по падежам, склоняются. Причем, заметьте, свойство русского существительного склоняться не придумано, не навязано нам школьной грамматикой. Придя в школу, мы узнаем об именительном, родительном и других падежах, о термине «склонение». Но ведь мы пользуемся склонением, изменяем существительные по падежам и до школы (хотя и неосознанно), так как склонение — особенность нашего родного языка.

В школе мы оказываемся в положении господина Журдена из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». Господин Журден лишь к сорока годам, как вы помните, узнал, что есть стихи и проза и что он много лет уже говорит прозой.

Точно так же и мы узнаем, что слова, обозначающие предметы, называются существительными, что свойство русских существительных изменяться называется склонением, а разные формы этого изменения — падежными формами.

Но ведь, повторяю, этими свойствами русского языка пользуются все люди, в том числе и те, которые никогда не ходили в школу. Иначе и быть не может — тогда они не могли бы говорить по-русски!

Интуитивно слова *село*, *окно*, *молоко* объединяются нами в один класс. А почему? Потому что у них — одинаковое окончание *-о*, потому что они одинаково изменяются:

*село — в селе,
окно — в окне,
молоко — в молоке...*

А если добавлять сюда другие слова с таким же окончанием?

*Решето — в решете,
сукно — в сукне,
пальто — в ...*

Стоп! Чуть не сказали *в пальте*, но вовремя удержались.

А почему, собственно говоря, удержались? Да потому, что «нужно говорить» не так. Вот тут-то и начинается заговздка. Слово *пальто* по происхождению — не русское слово. Оно заимствовано, как говорится в «Кратком этимологическом словаре русского языка» М. Н. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской, в XIX веке из французского языка (*paletot*). Во французском языке, в отличие от русского, имена существительные не имеют падежных окончаний. Заимствование слова *пальто* шло через речь дворян, хорошо знавших французский язык, и потому закрепилось в русском языке в форме неизменяемой, свойственной французскому языку, но чуждой русскому.

Это один из тех довольно многочисленных случаев, когда более обобщенная грамматическая структура языка, которой владеют все говорящие по-русски, пришла в известное противоречие с нормой употребления слова в литературном языке, которой владеют лишь те, кто хорошо знает русский литературный язык, а это — далеко не все говорящие по-русски.

Вот вам и причина ошибки: особенности владения языком у иного человека порой резко отличаются от общепринятых норм.

В связи с этим встает вопрос о том, что же такое русский язык, насколько он единый для всех говорящих по-русски.

Опять-таки, на первый взгляд, вопрос может показаться нелепым. Но лишь на первый взгляд.

В пальто и в пальте говорят люди, хорошо владеющие русским языком, только одни из них не очень усвоили литературную форму. *В пальте* могут сказать и в Архангельске, и в Орле, и в Перми. И подобных примеров очень много. А форма русского языка, которая включает в себя такие случаи, называется просторечием.

Итак, мы выяснили, что русский язык существует, по крайней мере в двух формах: в форме литературного языка и в форме просторечия. Но и это, оказывается, еще не всё.

Какая буква растет в огороде?

Я расскажу о случае, который наблюдал в одной из сельских школ на Урале.

— Аня! Иди к доске! — обращается учительница к девочке, сидящей за первой партой. — Напиши слово *станция*.

Девочка неуверенно пишет *стансия*.

Учительница отрицательно качает головой:

— Вспомни! Ведь я же объясняла, что неправильно произносить *улиса, синиса, стансия*. Учитесь говорить и писать *ц!*

Девочка оживилась. Она бойко застучала мелом по доске. Она вспомнила! Слово написано. Но почему учительница опять качает головой? Ведь Аня исправил ошибку! На доске написано *цтанция*.

Мы понимаем, что девочка, исправив ошибку, тут же допустила другую, причем довольно странную. Почему это произошло? Откуда и ошибки-то такие необычные?

Почему *стансия*? Ну, написала бы *станция* — тогда понятно. А почему, собственно, понятно?

Ну как же: *ц* в русском языке всегда твердое. Но в словах *рыба, сыр, мыл* мы после твердых пишем *ы*, а здесь — *и* (есть, правда, исключение — все слова во фразе «*Цыган на цыпочках цыпленку «цыц» сказал*», но от этого нам не легче). Так что можно и

ошибиться: об автоматизме грамматики мы уже говорили — такого же типа автоматизм и в орфографии. Так что *станцыя* — это плохо, но, по крайней мере, понятно.

А здесь — что-то несурзное: *стансия*! Описка, на-верное!

Нет, не описка.

Все орфографические ошибки так или иначе связаны с особенностями произношения. Ошибки здесь всегда отражают противоречия между произношением и правописанием, поэтому нас и не удивляет, хотя и огорчает ошибка типа *станцыя* — ведь мы так говорим!

А что, если Аня тоже так говорит — *стансия*?

И это — не дефект индивидуальной речи Ани! Так говорят все вокруг нее.

С детства Аня не слышала вокруг себя звука *ц*: ведь ее бабушка и родные, и все знакомые в ее селе говорили *куриса, яйсо*. Поэтому и сама она так говорила. Для нее *ц* и *с* всегда раньше сливались в одном звуке *с*.

И так говорят не только в ее селе, но на довольно большой территории Урала. Больше того — кроме Урала, такая особенность русской речи почти нигде не встречается! Эта особенность речи связана с определенной территорией бытования русского языка. И не только эта!

На севере РСФСР (в Архангельской и прилегающих областях, а кое-где и у нас, в Пермской области) мягко «цокают», говорят *цйй, цистый, отец, куриця, от-цяянный*. Архангелогородцы говорят: «Трещёцки (то есть трески) не поешь, цйяку не попьешь — кака сила?»

А у Пскова тоже «цокают», но твердо: «Псковичане — те же англичане, только наречье иное».

На западе, ближе к Белоруссии, — «дзekaют» и «цекают»: «Дзеци, плецице лапци» («Дети, плетите лапти»).

Севернее Москвы — «окают»: *хорошо, голова*. Южнее — «акают»: *харашо, галава*. По-особому, «по-московски», говорят в самой Москве и прилегающих городах и деревнях: *хърашо, гълава* — с очень коротким и неясным первым гласным (мы обозначили его через *ъ*).

В некоторых местах говорят: *стау, паука, пашоу*

(вместо привычного нам *стал, палка, пошел*), в некоторых — *нясу, бяру, поняси*, в одних — *Ванькя, Танькя, Манькя*, в других — *омманул, оммерил*. Я уже приводил несколько языковых прибауток. Вот еще две, отражающие особенности местного произношения: «Менной коуш упал на ино. И обинно, и досанно, ну да ланно, всё онно!» (сочетание *ин* на месте *дн*); «Тесть любит честь, а зеть любит взеть» (ударное *е* на месте *я* в положении между мягкими согласными).

Некоторые особенности распространены на огромной территории (оканье), иные встречаются лишь отдельными островками. Но всегда они связаны с определенной местностью и могут быть обозначены на карте. Такой район, территория, на которой распространена та или иная языковая особенность, называется ареалом. А сама разновидность русского языка, содержащая такие особенности, называется территориальным диалектом, или говором.

Русские народные говоры многочисленны и разнообразны. В основном они распространены в сельской местности, что исторически связано с большой обособленностью быта и жизни деревни, с тем, что там более устойчивое, постоянное население, а дальние поездки редки.

Диалектные различия проявляются не только в произношении отдельных звуков. Есть и грамматические особенности. Вот некоторые из них, отмеченные на Урале: форма творительного падежа множественного числа — *с рукам, с ногам, с большим сапогам*; форма предложного падежа единственного числа существительных III склонения — *на пече, на лошаде, в грязе*.

Встречаются любопытные сочетания предлогов с винительным падежом на месте привычного нам родительного: *мимо лес, возле реку, подле берег*.

И, конечно же, есть интереснейшие особенности в словаре. Десятки тысяч слов известны на ограниченной территории, иногда даже — в одном селе. И среди этих десятков тысяч — масса необычного, характерного.

Вот, например, брюква. Обычное, ничем не примечательное растение. Однако ему повезло.. на названия. Только на Урале их отмечено больше тридцати (не считая производных вариантов): *калега, корляба, карамка, картуза, ланда, нарка, синелистка, корена, дрюпа, желтуха, голландка, шведка, немка, саксонка, арлапка, бушма* и даже *буква*.

При этом некоторые (*калега*) известны достаточно широко, другие (*картуза, карамка*) — только в некоторых деревнях.

Откуда такая пестрота?

Причин здесь несколько. Здесь сказалось, во-первых, стремление отразить «заморскость» растения: оно одинаково хорошо отражается и в *шведке*, и в *немке*, и в *голландке*, и в *саксонке* — важно, что есть название далекой страны, а какой конкретно, не все ли равно?

Есть и характеристика по внешнему виду (*желтуха, синелистка*). Есть и варианты, связанные с трудностью освоения незнакомых иностранных слов:

ланда, ландуха, ладна — ср. немецкое *das Land* (страна, земля);

арлапка, корляба, корлябья и др. — ср. немецкое *die Kohlrübe* (репа);

брюква, дрюпа — ср. немецкое *die Bruke, die Wruke* (брюква).

Вот такая, оказывается, интересная биография «урожайной» на названия брюквы отражена в уральских говорах.

Со многими вещами русские поселенцы, пришедшие на Урал в XVI—XVIII веках, столкнулись впервые здесь. Для них началась жизнь в новых условиях, и новые вещи, вошедшие в их обиход, они стали называть так, как назывались они у местного населения — народов коми, манси.

Например, в словаре охотников появились слова:

лузан — особый род охотничьей накидки без рукавов, сделанной из крепкого материала, часто обшитого свер-

ху кожей. В таком лузани не страшна непогода;

кыс — шкурка с голени лося, оленя. Шерсть на такой шкурке — короткая и жесткая. На кысовых (обшитых кысом) лыжах охотник может смело идти на гору: «против шерсти» лыжи не покатыт его назад;

чамья (иногда *шамья*) — небольшой лесной амбарчик. В нем хранят добычу, охотничье снаряжение, собранные кедровые шишки. Зверю до содержимого чамьи добраться. А охотник или шишкар, заполнив такую чамью, может двигаться дальше налегке, продолжая промысел. Потом он вернется сюда и на санях увезет свою добычу.

Широко распространились на Урале местные названия домашней утвари. Например, *туес*, *туесок* — берестяной сосуд цилиндрической формы. В нем можно держать и соль, и мед, и молоко, и соленые огурцы — очень удобная вещь в домашнем хозяйстве. Или *пайва* — тоже делается из бересты, но она обычно гораздо больше туеска. В ней также можно хранить продукты. Можно приспособить ее наподобие рюкзака, если приделать лямки. С такой пайвой удобно ходить за грибами, ягодами.

Уральские хозяйки знают, как хорошо может *выбыгать* (или *выбугать*, *забыгать*) на морозе выстиранное белье. Это слово — тоже из языка коми, как и слова:

черым — плотный сугроб; снег, покрытый настом;

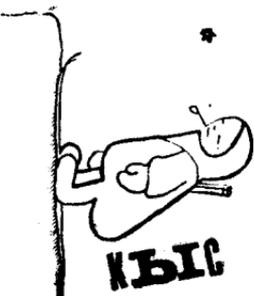
парма — густой хвойный лес на возвышенности;

курья — узкий речной залив, заводь.

Все эти названия употребляются лишь на небольшой территории Урала (как правило, северного) и примыкающих территориях Европейского Севера и Сибири.

Необычно повезло лишь слову *пельмень*. Теперь оно очень популярно, известно каждому русскому. Очень вкусны сибирские пельмени! А почему, собственно, сибирские? Ведь это уральское кушанье.

Не верите? *Пель-нянь* — из языка коми, буквально означает «хлебное ухо». А коми, как мы уже говорили, жили с незапамятных времен именно на Урале.

один звук! *С* и *ц* в ее сознании — не противопоставлены (вспомните наш разговор о системе!). Поэтому у нее складывается простая схема: вместо *с* — *ц*, вместо

$$\begin{array}{l} \text{ц} \\ \text{с} \end{array} > \text{с} \quad - \quad \begin{array}{l} \text{ц} \\ \text{с} \end{array} > \text{ц}.$$

Изменилось лишь написание — *ц* вместо *с* (*цтанция* вместо *стансия*). Неразличение *с* и *ц* осталось.

Очень живучая вещь — народные говоры!

Как-то во время диалектологической экспедиции нам посоветовали зайти к одному старику:

— Обязательно сходите к нему — интересный старик, шибко много знает. Он у нас проходимец!

Мы переглянулись, однако зашли к деду, который оказался очень приветливым, разговорчивым и действительно, интересным человеком. Долго рассказывал он нам об Австрии и Германии, где был военнопленным во время первой мировой войны, о других местах, где ему довелось побывать.

Перед уходом мы решились задать последний вопрос: — Дедушка, а что такое *проходимец*?

— А вот я и есть проходимец! — Заметив на наших лицах удивление, дед сам удивился нашему неведению и добавил: — А вот, кто побывал во многих местах да много знает, того у нас проходимцем зовут.

Загадка разъяснилась: мы и старик понимали это слово совсем по-разному. Ведь в литературном языке *проходимцем* называют человека, способного на нечестные поступки, отъявленного мошенника, негодяя. Слово имеет всегда неодобрительный, даже бранный характер. А в уральском говоре, как видите, такая характеристика очень почетна для человека, так как обозначает совсем другое понятие, хотя это слово образовано здесь от того же корня и при помощи той же приставки и того же суффикса, что и в литературном языке.

Почему так получилось?

А потому, что, несмотря на все свои разновидности, русский язык един, имеет единый в своих основных чер-

прохо-
димцы

тах звуковой состав, грамматику, словарь. Да иначе и быть не может! Ведь если бы варианты русского языка стали очень отличаться друг от друга, они перестали бы быть «вариантами» и стали бы разными языками, а люди, говорящие на таких языках, перестали бы понимать друг друга.

Слово *проходимец* образовано от глагола *проходить*. И обозначает человека, который где-то проходил (или проходит, или может пройти). Но само-то слово *пройти* имеет ряд оттенков. И все дело в том, какой из них имелся в виду при образовании слова *проходимец*. В литературном языке — обозначающий прохождению, который везде пройдет, пролезет. В говорах же — первоначальный оттенок значения.

Как видите, усвоить нормы литературного языка тому, кто с детства владеет диалектом, нелегко. Поэтому диалекты живут и развиваются, несмотря на существование радио, газет, кино, телевидения.

Итак, говоры — это тоже особая, развивающаяся по своим законам разновидность современного русского языка.

Вот какая, оказывается, сложная вещь — современный русский язык. Неудивительно, что не так просто овладеть его литературными нормами!

Виноват ли язык?

Наш разговор о русском языке будет явно неполным, если мы не зададим себе еще нескольких важных вопросов. Как используется язык? Как образуется наша речь? Как мы объясняем с помощью языка? Как мы ухитряемся понимать друг друга? Наконец, почему, пользуясь одним и тем же языком, одни говорят хорошо, а другие — плохо?

Конечно, обо всех теориях, объясняющих это, здесь написать невозможно. Я расскажу вам лишь кое-что из того, что изучает недавно возникшая наука — психолингвистика.

На минуту отвлечемся от живого языка.

Как происходит передача информации, скажем, по радиации?

Радиотелеграфист с помощью аппарата-передатчика передает сообщение в эфир, закодировав его специальным кодом — азбукой Морзе. В эфир поступает сигнал (электромагнитные колебания), который содержит сообщение в закодированном виде. Для того чтобы другой радиотелеграфист мог понять его, он должен иметь аппарат-приемник и знать код (то есть ту же азбуку Морзе), с помощью которого сигнал можно декодировать, расшифровать. Но есть и еще одно немаловажное обстоятельство: разные помехи, или, как говорят специалисты, шумы, могут исказить сигнал и затруднить, а иногда и совсем заглушить, сделать непонятным сообщение. Вспомните игру в «глухой телефон»!

Да, скажете вы, это все любопытно, но при чем здесь язык? Ведь кодируется и декодируется уже готовое языковое сообщение?

А как получено оно, само это «готовое» языковое сообщение?

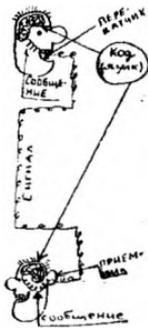
Ведь мыслит каждый из нас индивидуально, своеобразно, в зависимости от образованности, ума, образа жизни и так далее. И мышление, хотя и складывается под влиянием родного языка, который активно помогает осознать внешний мир, не сводится только к языку.

Так называемая «внутренняя речь», с помощью которой мы думаем, довольно значительно отличается от внешней речи, с помощью которой мы говорим и пишем. Вот как пишет об этом крупнейший советский психолог, профессор Л. С. Выготский:

«Внутренняя речь есть в точном смысле речь почти без слов...» И далее: «Всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, имеет движение, сечение, развертывание, устанавливает отношение между чем-то и чем-то, одним словом, выполняет какую-то функцию, работу, решает какую-то задачу. Это течение и движение мыс-

ли не совпадает прямо и непосредственно с развертыванием речи...»

А что, если эту внутреннюю речь, неуловимую, непосредственную форму нашей мысли, и принять за сообщение? Тогда перевод этой внутренней речи во внешнюю можно сравнить с процессом кодирования, русский язык — с кодом, который знают все говорящие по-русски, органы речи — с передатчиком, а саму фразу внешней речи — с закодированным (по отношению к внутренней речи) сигналом, который говорящий посылает в эфир, чтобы передать свои мысли и чувства другим людям. Слушающий улавливает этот сигнал с помощью органов слуха (приемник), декодирует (с помощью того же кода — русского языка) — и вот уже нас поняли. Сообщение передано.

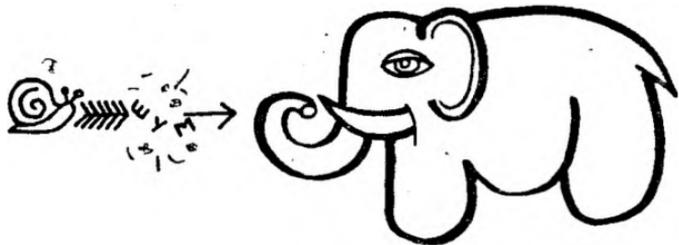

Кстати, один и тот же человек одновременно может быть и передающим, и принимающим, когда речь его обращена к самому себе — это «мысли вслух».

А если считать внутреннюю речь индивидуальным кодом, то тогда перевод внутренней речи во внешнюю становится довольно сложным преобразованием из одного кода в другой при сохранении содержания сообщения (самой «мысли»). Такие преобразования московский психолог профессор Н. И. Жинкин назвал кодовыми переходами во внутренней речи.

Вот мы и провели последовательно сравнение между передачей сигнала в эфир с помощью азбуки Морзе и передачей мыслей с помощью естественного языка. В стороне осталась лишь одна мелочь — шумы.

А мелочь ли?

Потери при передаче сообщения, кажется, неизбежны. Мы лишь приблизительно понимаем то, что нам хотели сказать. Всякая потеря информации и есть шум. Так неожиданно по-иному начинает восприниматься известный афоризм поэта: «Мысль изреченная есть ложь»... Но задача людей, общающихся между собой, — свести потери к минимуму. А это совсем не просто! Поэтому искусство слова — один из самых сложных видов искусства.

И язык, орудие, шлифовавшееся столетиями, тоже стихийно приспособляется к выполнению этой задачи. Однако всегда остается противоречие между стремлением к экономии выражения и желанием в точности передать мысль. И у говорящего всегда существуют «муки слова» — уж очень разнообразны и тонки нюансы мыслей каждого человека, и очень груб (только в этом смысле, разумеется!) любой язык.

Вот мы и подошли незаметно к одной из важнейших проблем связи, или, как говорят, коммуникации, в современном обществе — к проблеме культуры речи, наиболее эффективного использования языка в целях общения.

Для того чтобы овладеть в достаточной мере культурой речи, нужно хорошо знать (и не просто знать, а довести до автоматизма эти знания!) все тонкости, нюансы кода (языка) и правила кодирования и декодирования. А это достигается большой работой над собой: внимательным чтением классической художественной литературы, занятиями по русскому языку в школе, постоянным контролем за собственной речью и речью окружающих.

Особенно низка еще у нас культура письменной речи. Это и понятно: навыки письменной речи у человека обычно гораздо меньше развиты, чем навыки речи устной. А ведь устная и письменная речь — это разные формы сигналов, кодирующих одни и те же сообщения (возьмите азбуку Морзе и флажки!). Овладеть же культурой письменной речи — очень важно: ведь письменная

речь может быть наиболее точной, более обработанной по сравнению с устной, мы можем ее редактировать. Устная речь мимолетна. Письменная же — долговечнее, она может передаваться во времени и пространстве. Но как раз поэтому овладение ее нормами — труднее: она обращена не к непосредственному собеседнику, который, не поняв, мог бы переспросить, что-то уловить из обстановки, догадаться о чем-то по мимике и жестам оратора. Отсюда — необходимость большей точности письменной речи и, следовательно, большая трудность оформления мысли в такую речь.

Любопытные образцы речевых ляпсусов каждый из вас читал в разделе «Нарочно не придумаешь», который вот уже несколько лет постоянно ведется в журнале «Крокодил».

Эти ляпсусы как раз и показывают неумение некоторых людей перекодировать внутреннюю речь во внешнюю, плохое знание языка, отсутствие контроля над своей речью.

Рассмотрим несколько примеров и попытаемся выяснить, где шум, возникший при кодовом переходе от внутренней речи к внешней, утаил часть сообщения. И если мы понимаем, что хотел сказать автор того или иного высказывания, то это происходит вопреки нашему верному другу языку (который здесь, конечно же, не виноват!), ибо весь наш жизненный опыт («здравый смысл») опрокидывает утверждения, содержащиеся в этих нелепых фразах.

«Все козы празднующиеся будут задерживаться комендантом завода и направляться в отделение милиции на предмет взыскания штрафа».

Это козы-то будут направляться на предмет взыскания штрафа!.. А все оттого, что во внешней речи нет указания на хозяев коз. Для автора этого смехотворного объявления ясно, конечно, что штрафовать будут не коз, из фразы же следует совсем иное.

А вот еще точно такого же типа ляпсус:

«Поссорились мы из-за козы, несмотря на обещания соседки, что больше бодаться не будет».

Как осторожно нужно создавать фразы, где речь — и о человеке, и о его животном. Впрочем, не менее «коварно» и имущество, принадлежащее человеку:

«Электрификацию гражданки Петровой мы не произвели по той причине, что около нее нет столбов».

«Ремстройуправление Октябрьского района приступило к побелке гр. Невструевой, проживающей по вышеуказанному адресу. В ближайшее время отделочные работы будут окончены».

Иногда «пропажа» буквально одного слова рушит всю фразу, потому что рядом оказываются слова, которые моментально начинают взаимодействовать, хотя такое их взаимодействие явно не входило в планы автора:

«Комсомольцу Гаврилову Петру Гавриловичу, в рабочее время лежавшему под своим станком в сопровождении сквернословия и прочих ругательств нетактичного характера, объявляю выговор без премиальных».

Как будто есть выговор с премиальными! Нужно было бы сказать «...и лишаю премиальных».

«На память родным. Посередине я, а слева подруга жены. Справа от меня жена, в белом платье. Хоть плохая, но потом вышлю лучше, а пока посылаю эту» (надпись на фотографии).

Не сразу догадаешься, что эпитеты «плохая» и «лучше» относятся не к жене, а к фотокарточке!

А вот еще одна типичная ошибка:

«Курицу я купил у гражданки Хлястиковой, которая скоро стала худеть и подохла. Спрашивается, зачем я тратил на нее свои трудовые копейки?»

«Мною, механиком гаража Поповым, взята оконная рама от милиции, которая была задержана на месте происшествия».

Коварное словечко «которая»! Надо быстро и точно предусмотреть, к какому слову такое «которая» может быть отнесено тем, кто будет читать. Иначе будет непонятно и смешно.

А вот здесь все слова на месте, но тем не менее...

«Начальнику СКБ Бийского завода тов. Светлову. Завод «Мясомолмаш» никаких указаний об изготовлении опытного образца машины для бесшумного отделения рогов от Вологодского совнархоза не имеет. Нет таких машин в плане новой техники».

Схема фразы такая:

Как видите, слова «отделение рогов от Вологодского совнархоза» оказались рядом совершенно случайно и сыграли с автором письма злую шутку. Попробуй докажи, что это — не цельное сочетание, вроде «отделение сливок от молока».

А во фразе «Ночью она ходила по кухне, изображая Еву в костюме Адама» любопытно сталкиваются два устойчивых сочетания. «В костюме Адама» — устойчивое сочетание с переносным значением. Но «Адам и Ева» — тоже достаточно устойчивое сочетание слов! В результате — смешная нелепость.

«Лоточницу Афонину А. М., сидевшую на газированной воде, с 1. V. 61 г. пересадить на мороженое».

Как нелепо ворвалось бытовое выражение в официальный приказ! И сразу слово «сидеть» стало восприниматься буквально. Как видите, нужно учитывать и уместность того или иного словоупотребления.

А вот «дежурные» слова, бездумное, пустое употребление которых приводит к нелепым фразам, вроде: «Мы обязаны наши недостатки сделать нашими достижениями». О, эта сила инерции фраз без мысли!

«Факт обсчета не подтвердился. Работники магазина и зав. магазина т. Кувыров предупреждены о том, что при повторении подобных случаев будут строго наказа-

Рис. перекрутит. А. Д. Жаров

дне самовыражения, чтобы все порывы вашего ума, ваших чувств становились бы точно и убедительно сформулированными для окружающих.

**В заключение,
как и полагается, —
мораль**

Вот и подходит к концу наша беседа о русском языке.

Мне хотелось показать вам, что языковедение — очень интересная и увлекательная наука, притом наука очень важная, имеющая большое практическое значение.

Познавая язык, мы познаем себя, точнее, отдаем себе отчет в том, каким мы видим окружающий мир, как мы мыслим. Поэтому языковедение во многом философская наука.

В этой книжке я говорил о самых простых и ясных словах, грамматических категориях, то есть о самых очевидных вещах, потому что в простых примерах все предельно ясно. Все ясно — и вот поди ж ты! Сколько, оказывается, неизведанного скрывается за этим ясным и очевидным!

С другой стороны, мне хотелось показать те проблемы, которые стоят сегодня перед современной наукой о языке и которые порой еще ох как далеки от окончательного решения!

Я стремился убедить вас в том, что при кажущемся иногда «академизме» эти вопросы тесно связаны с практикой, причем практикой, интересной не только для «узких» специалистов (редакторов, переводчиков, специалистов по семиотике), но и для миллионов людей, идущих к вершинам человеческой культуры, овладевающих знаниями, живущих в обществе со все более усложняющимися связями.

Поэтому задача точного, ясного и в то же время яр-

кого и убедительного использования языка — это задача общекультурная. Культура речи нужна всем!

Слово — полководец человеческой силы. Но не всякое слово, а лишь такое, за которым скрывается могучая мысль и которое наиболее точно и ярко выражает эту мысль для окружающих. Замечательный пример тому — ленинское слово.

Цените слово! Боритесь за слово! Работайте над словом!

Вот и все, что уместилось в этой книжке.

Если она не показалась вам скучной, если вы заинтересовались удивительным и невидимым орудием нашим, нашим языком, если вы хотите узнать о нем что-нибудь еще — тогда я выполнил свою скромную задачу и со спокойной душой могу отправить вас в библиотеку за другими книгами по языкознанию, которые (разумеется, очень условно) я разделил по степени возрастания сложности на несколько групп. Вы найдете названия этих книг на последней странице обложки.

Конечно, этот список — капля в море литературы по языкознанию. Многие — и притом очень интересное и важное — не попало в этот список. Но и эта капля поможет вам почувствовать увлекательность путешествия в мир слова, такого простого и очевидного и такого загадочного, еще до конца не познанного. Удивительное — рядом. Оно ждет вас.

*Леонид
Владимирович*
САХАРНЫЙ

*Удивительный,
надежный,
коварный*
(Русский язык)

Редактор-составитель *А. Г. Зибзеева*
Художник *В. В. Вагин*
Рисунки в тексте студента-филолога *А. Королева*
Художественный редактор *М. В. Тарасова*
Технический редактор *Т. В. Дольская*
Корректор *Е. Ф. Евсеева*

Сдано в набор 15/IX 1967 г.
Подписано в печать 16/I 1968 г.
Формат бумаги тип. № 1 70×108¹/₃₂. Печ. л.
1,625 (усл.-прив. л. 2,275), бум. л. 0,8125,
уч.-изд. л. 2,209.
ЛБ02021 Тираж 10 000 экз. Цена 8 коп.
Пермское книжное издательство.
Пермь, К. Маркса, 30
Книжная типография № 2
управления по печати.
Пермь, Коммунистическая, 57. Зак. 1379.

**ДЛЯ ВОПРОСОВ АВТОРУ
И СОБСТВЕННЫХ ВЫВОДОВ**